

СУНЬ-ЦЗЫ

трактат о военном искусстве

с комментариями и объяснениями

трусость
рождается
из храбрости

возможность
победы
заключена
в противнике

полководец
есть
властитель
судеб
народа

кто
умеет
вести
войну,
покоряет
чужую
армию

Философия на пальцах

Сунь-цзы

Трактат о военном искусстве

«Издательство АСТ»

УДК 355.4
ББК 68

Сунь-цзы

Трактат о военном искусстве / Сунь-цзы — «Издательство АСТ»,
— (Философия на пальцах)

ISBN 978-5-17-099955-2

Настоящая книга – известный древнекитайский трактат, посвященный военной политике. До сих пор никому еще не удалось сформулировать принципы ведения войны так же просто и афористично, как человеку, известному под псевдонимом Сунь-цзы. Его произведение является основным текстом «школы военной философии», оказавшим большое влияние на всё военное искусство Востока. Оно учит разработке стратегии, тактике, дипломатии, самоорганизованности, умению концентрироваться на определенной задаче и успешно решать ее, вести переговоры на любом уровне, показывает, как можно перехитрить своего противника и довести начатое дело до победного конца. Этой книгой зачитывались маршал Карл Густав Маннергейм и генерал Аксель Айро. Она переведена на многие языки и изучается людьми разных профессий и разных статусов. Трактат издан в классическом переводе востоковеда Н. Конрада с его глубокими комментариями, представляющими собой отдельное увлекательное произведение. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 355.4
ББК 68

ISBN 978-5-17-099955-2

© Сунь-цзы
© Издательство АСТ

Содержание

От переводчика	7
Введение	12
1. Трактат Сунь-цзы	12
2. Трактат Сунь-цзы и «Семикнижие»	18
3. Задачи работы	20
Трактат о военном искусстве	22
Глава I	22
1	22
2	22
3	23
4	25
5	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Сунь-цзы

Трактат о военном искусстве с комментариями и объяснениями

Перевод с китайского, предисловие, комментарии академика *Николая Конрада*

© Н. И. Конрад (наследник), перевод, предисловие, комментарии, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

От переводчика

Среди огромной и разнообразной литературы, оставленной нам старым Китаем, особое место занимает литература по военному искусству. При этом, подобно широко известным классикам философии, и эта литература имеет своих классиков: древнему конфуцианскому «Пятикнижию» и «Четверокнижию» здесь соответствует свое «Семикнижие».

Это «Семикнижие» образовалось в результате продолжавшегося много веков отбора из очень большой военной литературы тех произведений, которые постепенно приобрели авторитет в вопросах войны и военного дела. Свою окончательную форму этот отбор получил при сунской династии в последней четверти XI в. С тех пор эти произведения заняли положение общепризнанных классиков.

Этих трактатов семь, но наибольшее значение имеют два из них, поставленные на первом месте: «Сунь-цзы» и «У-цзы», названные так по именам тех древних стратегов, которым традиция приписывает авторство если не самих этих сочинений непосредственно, то, во всяком случае, тех положений, которые там высказаны. Если «Семикнижие» в целом считается «канонem военной науки» (у-цзин), то основу этого канона составляют эти два трактата. Кстати сказать, они являются и наиболее древними: историческая традиция считает, что деятельность Сунь-цзы как полководца падает на конец VI и начало V в. до н. э.; деятельность У-цзы – на начало IV в. до н. э. Репутация этих двух трактатов такова, что уже с давних пор и в Китае, и в Японии принято было считать, что вообще военное искусство старого Китая есть «военное искусство Сунь-У» (Сунь-У бин фа).

Однако недаром из этих двух трактатов на первом месте поставлен «Сунь-цзы». Этот трактат создал основы военной науки старого Китая. В конце Минской эпохи, т. е. в первой половине XVII в., Мао Юань-и говорил, что, возможно, и были трактаты по военному искусству до Сунь-цзы, но, во-первых, они до нас не дошли, а во-вторых, самое существенное, что в них имелось, вошло в состав учения Сунь-цзы; после Сунь-цзы появился ряд сочинений в этой области, но все они в конечном счете либо прямо развивают те или иные идеи Сунь-цзы, либо находятся под его влиянием. Поэтому, заключает Мао, строго говоря, вся военная наука в Китае целиком заключается в «Сунь-цзы».

Эти слова свидетельствуют прежде всего о том ореоле непререкаемого авторитета, которым было окружено имя Сунь-цзы даже в столь поздние времена, т. е. когда военная наука в Китае насчитывала уже множество сочинений. Конечно, Мао не прав: не все трактаты «Семикнижия» повторяют «Сунь-цзы» или исходят из него. Вполне оригинальными по содержанию могут быть признаны трактаты «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы», «Сыма фа» и некоторые другие, но совершенно бесспорно, что по значению никто, даже прославленный «У-цзы», не может быть поставлен рядом с «Сунь-цзы». Под знаком «Сунь-цзы» идет вся позднейшая, по крайней мере с III в. н. э., военно-теоретическая литература старого Китая.

Эта роль «Сунь-цзы» не ограничивается одним Китаем. Совершенно такое же положение занимал трактат Сунь-цзы и в прежней Корее, и в феодальной Японии: и там это был авторитет во всех основных вопросах, касающихся войны.

Новое время не отвергло «Сунь-цзы». И в XIX и XX вв. как в Китае, так и в Японии «Сунь-цзы» изучается специалистами военного дела наравне со старыми классиками военной научно-теоретической мысли других народов.

Изучение трактата Сунь-цзы всегда составляло в этих странах необходимый элемент высшего военного образования. События же последних

20–25 лет¹ пробудили новый, еще более широкий интерес к этому памятнику. На своей родине, в Китае, трактат Сунь-цзы оказался в сфере внимания непосредственных руководителей борьбы китайского народа против своих угнетателей и иностранных захватчиков.

Нельзя, с другой стороны, пройти мимо того факта, что за последние десятилетия трактат Сунь-цзы привлекал к себе усиленное внимание и в противоположном лагере, прежде всего – среди японских реакционных военных деятелей. Свидетельством этому являются новые издания трактата, вышедшие в 1935, 1940 и 1943 гг. и рассчитанные на широкого читателя. Поскольку эта популяризация древнего памятника имела место в те годы, когда японский империализм вел (с 1931 г.) разбойничью, захватническую войну в Китае и готовился к нападению на СССР, постольку ясно, что правящие круги империалистической Японии стремились использовать многие воззрения Сунь-цзы в своих целях и превратить трактат Сунь-цзы, соответственным образом прокомментированный, в одно из средств милитаристской пропаганды.

Несомненно, в учении Сунь-цзы, обусловленном своей исторической эпохой, есть много черт, привлекавших к нему тех, кто вел захватнические войны. Военная идеология, нашедшая свое яркое выражение в трактате Сунь-цзы, являлась идеологией господствующих классов Древнего Китая и в дальнейшем прочно вошла в военно-идеологический арсенал феодальных властителей Китая и Японии. Эта военная идеология – если рассматривать ее историческую роль на протяжении многих веков – была идеологией, необходимой тем, кто вел несправедливые, захватнические, грабительские войны. Но вместе с тем это учение никогда не пережило бы настолько свой век, если бы в нем не содержались и иные черты, делающие возможным обращение к нему и тех, кто вел и ведет борьбу против захватчиков. Освободительная борьба такого характера и размаха, какая никогда еще не наблюдалась в истории Китая и которая привела к победе народно-демократических сил, свидетельствует, что ряд положений Сунь-цзы, критически освоенных применительно к иной исторической обстановке и иным целям вооруженных действий, оказался пригодным и в борьбе народа против его угнетателей. Эти стороны учения Сунь-цзы, несомненно, представляют для нас особый интерес.

Таким образом, есть все основания для перевода этого древнего сочинения по военному искусству на русский язык. Этим самым вниманию специалистов, изучающих памятники военной науки, предлагается трактат Сунь-цзы – древнейшее и в то же время одно из наиболее широко известных произведений военной литературы в Китае, Корее, Японии. Этим самым появляется своего рода военно-теоретический комментарий к военной истории указанных стран, облегчающий изучение – с точки зрения характерного для ряда стран Дальнего Востока стратегического и тактического искусства – важнейших войн и сражений, которые там велись. Ввиду же того что Сунь-цзы и в Китае, и в Японии не отброшен новой военной наукой, стремящейся извлечь из его воззрений их рациональное зерно, знание этого трактата может быть небесполезным и для понимания некоторых сторон стратегии и тактики армий этих стран не только в прошлом, но и в новое время.

Есть одна специфическая сторона этого трактата, которой он в значительной мере обязан своей широкой известностью. Многие из его общих положений всегда легко переносились из области войны в область политики и дипломатии. Поэтому трактат Сунь-цзы имеет известное значение для понимания поступков не только военных деятелей, но и политиков упомянутых стран

Дальнего Востока, и притом отнюдь не только в отдаленные исторические времена.

Перевод трактата, предназначенный для современного советского читателя, неминуемо должен сопровождаться комментарием. Это необходимо прежде всего для того, чтобы вскрыть мысль Сунь-цзы, часто облеченную в такую форму, которая делает ее малопонятной для

¹ Работа вышла в 1950 г. – *Примеч. ред.*

человека XX в. Не нужно забывать, что манера, в которой Сунь-цзы излагает свои мысли, отличается от стиля, которым пишутся привычные нам теоретические работы. Сунь-цзы не доказывает, не разъясняет. Он только высказывает свои положения, и высказывает обычно в сжатой, афористической форме. Поэтому понять его мысль по ее буквальному выражению часто нелегко, и переводчику, не желающему превращать перевод в распространенный пересказ, нередко приходится предоставлять разъяснение этой мысли комментарием. Далее, нужно помнить, что Сунь-цзы употреблял слова и выражения своего времени, во многих случаях непонятные даже его китайским читателям позднейших времен. Поэтому перед переводчиком, не желающим европеизировать и модернизировать язык и стиль древнего китайского стратега, встает необходимость, оставив в переводе слова и выражения по мере возможности такими, каковы они в оригинале, разъяснять их в особом комментарии. И наконец, трактат Сунь-цзы принадлежит древней китайской культуре: все его содержание укладывается в круг понятий этой культуры, связано с определенной исторической обстановкой. Советский читатель может этой обстановки не знать, а без этого знания трактат Сунь-цзы не может быть полностью понят. А это означает, что переводчик должен представить те или иные положения Сунь-цзы в свете китайской истории той эпохи.

Все эти причины и привели к тому, что к русскому переводу оказался присоединенным обширный комментарий, поясняющий фразу за фразой весь текст трактата. Переводчик стремился разъяснить смысл его отдельных понятий, смысл его положений и правил, а также установить внутреннюю связь между отдельными высказываниями и частями трактата в целом.

Составляя свой комментарий, автор старался вскрыть мысль Сунь-цзы, как она должна была представляться в его время. Ключ к идеям и положениям Сунь-цзы, конечно, пришлось искать, как только что было сказано, прежде всего в его эпохе. Этой эпохой, по убеждению автора, был так называемый период «Пяти гегемонов» (У ба), т. е. VII–VI вв. до н. э., точнее, конец VI – начало V в., т. е. время, когда древний рабовладельческий Китай состоял из самостоятельных, боровшихся между собой царств. Именно тогда и сложилась доктрина Сунь-цзы как учение о захватнической войне в интересах рабовладельцев.

Конкретное историческое содержание той эпохи, общий ход исторического процесса того времени, как он раскрывается в свете нашей исторической науки, и определили понимание основных положений трактата. При изучении этой эпохи автор обратился к особому, до сих пор не привлекавшемуся материалу: к сочинениям по военному искусству, возникшим в ближайшие к эпохе Сунь-цзы времена – в период Чжаньго (403–221), именно – к трактатам «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа», а также к литературе хотя и значительно более поздней, но тесно связанной с трактатом Сунь-цзы, как, например, к известным «Диалогам» Ли Вэйгуна. Поэтому читатель найдет в книге ряд цитат из этих, а также и других трактатов «Семи-книжия», цитат, призванных разносторонне осветить то или иное положение Сунь-цзы.

Эпоха Сунь-цзы, рассмотренная с привлечением указанной специальной литературы, послужила первым материалом для русского комментария трактата. Огромную помощь в деле разъяснения трактата оказали, конечно, и китайские комментаторы. Как известно, комментарии на трактат Сунь-цзы стали появляться уже в древности; есть сведения о существовании таких комментариев уже в эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.). Они не дошли до нас, и наиболее ранний из известных нам – комментарий Цао-гуна относится к началу III в. н. э. Комментирование интенсивно продолжалось и дальше, так что трактат постепенно оброс целой толковательной литературой. В конце концов в XI в. был окончательно установлен список наиболее важных и авторитетных комментариев из числа появившихся с III по XI в. включительно. Таких оказалось десять, авторами которых были: Цао-гун, Ду Му, Мэй Яо-чэнь, Ли Цюань, Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Мэн-ши, Чэнь Хао, Цзя Линь, Чжан Юй. К ним обычно присоединяют еще и одиннадцатого – Ду Ю. Эти комментарии и стали сопровождать в дальнейшем всякое

издание трактата, так как без них он для китайского читателя позднейших времен уже был во многом непонятен.

Ценность этих комментариев огромна. Авторы их – знатоки военного дела – дают богатейший материал для понимания той или иной мысли Сунь-цзы. Поэтому всякий переводчик, составляя свой комментарий, обязан пользоваться этим материалом. При этом комментирование трактата велось не только в Китае; Сунь-цзы, ставший классиком военного искусства на всем Дальнем Востоке, вызвал внимание и японских военных писателей. Это было и в феодальной Японии, это наблюдается и в современной.

Переводчик привлек только один из японских комментариев: старое толкование Опо Сорай (1750). Новейшими японскими комментариями автор не пользовался, так как, по его мнению, в них нет ничего, что заслуживало бы внимания с точки зрения раскрытия подлинного содержания учения Сунь-цзы. Поэтому читатель не найдет в настоящей работе никаких ссылок на этих комментаторов, хотя они автору хорошо известны.

Составляя русский комментарий трактата, автор ни в коем случае не исходил из какого-нибудь одного из этих комментаторов. Исходить из одного значило бы подчиниться его концепции. Но концепция каждого комментатора всегда отражает его эпоху, его личность. Автор же стремился, как сказано выше, понять мысль Сунь-цзы адекватно эпохе, в которую жил и действовал Сунь-цзы, и той социальной среде, интересы и чаяния которой он представлял, – насколько, конечно, наши исторические знания позволяют решить такую задачу. Автор постарался расширить эти знания привлечением нового, указанного выше материала: перечисленной выше древней китайской литературы по военному искусству. Старые китайские комментаторы привлекались лишь при филологическом изучении текста, необходимом для русского перевода. Как уже было сказано, многие слова и выражения трактата очень трудны для понимания, и не только для современного читателя: не забудем, что уже в эпоху вэйского Цао-гуна, т. е. в III в., понадобился комментарий, без которого этот трактат, очевидно, был малопонятен даже тогда. При этом самое беглое знакомство с комментаторской литературой убеждает нас в том, что различные комментаторы по-разному, иногда прямо противоположно понимали те или иные слова и выражения трактата, по-своему истолковывали смысл многих его фраз. Переводчик мог, конечно, предложить тот перевод, который с первого взгляда представляется как будто само собой разумеющимся. Однако долгий опыт работы над китайскими классиками убедил в том, как легко при таком неосторожном подходе вложить в исследуемый текст содержание, которого в нем никогда не было. Поэтому каждую версию предлагаемого перевода необходимо было всегда проверять. Основным методом проверки правильности перевода того или иного места трактата было сопоставление этого перевода с переводом других мест, соприкасающихся по теме, материалу, мысли. Кроме того, возможность такого именно перевода оценивалась в свете общей концепции трактата, той системы взглядов, которая, по убеждению исследователя, в нем заложена. Но каждое установленное таким путем понимание переводчик сопоставлял с данными различных китайских комментариев, стремясь проверить допустимость данного им лексического и грамматического толкования вообще. Однако для плодотворности этой работы было необходимо подвергнуть этих китайских комментаторов серьезному критическому рассмотрению, которое нашло свое отражение частично в основной части труда – разборе учения Сунь-цзы, частично в «Примечаниях». Если привести всю проделанную работу полностью, получился бы труд узкоспециального синологического характера. А именно этого автор и не хотел делать, так как он обращается в первую очередь к военному специалисту вообще, к историку военно-теоретической мысли. При этом, как уже сказано, китайские комментаторы во многом по-разному понимают своего автора, очень часто не согласны друг с другом. Их работы представляют род развернувшейся в истории китайской военно-теоретической мысли дискуссии по вопросам военной науки, а также своего рода историю развития этой мысли в Китае вообще. Но изучение этой истории – задача особая, не входящая в рамки данной работы.

Многие положения Сунь-цзы, вероятно, вызовут у читателя-специалиста ассоциации с отдельными мыслями и даже с общими взглядами тех или иных писателей по вопросам военного искусства или полководцев различных стран. Но автор настоящей работы этого не затрагивает: во-первых, это – особая тема, выходящая за рамки настоящей работы, а во-вторых, автор не является специалистом по истории военно-теоретической мысли и не считает себя вправе делать какие бы то ни было сопоставления и выводы в этой области. По его мнению, это могут сделать и, как автор надеется, сделают наши военные специалисты, осветив, таким образом, место Сунь-цзы в истории древней военно-теоретической мысли и древнего военного искусства. Именно для такой совершенно особой работы автор и дает свой материал.

Автор не имел также возможности указать, как изучался трактат Сунь-цзы в кругах военных специалистов в Китае и Японии в Новейшее время. Автор знает, что трактат Сунь-цзы входил в систему военного образования этих стран, и обращает на этот факт внимание своих читателей-специалистов. Более того, именно этот факт и заставил автора взяться за изучение этого древнего памятника. Но исследование того, что именно из воззрений Сунь-цзы вошло в военную доктрину правящих кругов империалистической Японии, старого императорского и гоминь-дановского Китая, не входило в задачу автора, так как это также является темой особой работы, требующей для своего освещения специальных знаний, которыми автор не располагает. Но именно для того, чтобы помочь соответствующим специалистам разобраться в этом вопросе, автор и проделал свою историко-филологическую работу.

Эти разъяснения необходимы для того, чтобы заранее предупредить читателя о том, что именно автор считал входящим в задачу его труда и что он мог в нем дать в меру своих возможностей.

В заключение автор позволяет себе выразить надежду, что предлагаемый материал окажется небесполезным для историка военно-теоретической мысли. И если Сунь-цзы будет включен у нас в число авторов, более подробно изучаемых в плане истории военной науки, цель данной работы будет достигнута. Сунь-цзы на это имеет право не только потому, что он основоположник и важнейший классик старой военной науки в Китае и Японии, не утративший своего значения и в наше время, но и потому, что он наиболее древний из военных писателей мира, мысли которого дошли до нас в форме более или менее законченного трактата.

*Н. Конрад
Июнь 1949 г.
Москва*

Введение

1. Трактат Сунь-цзы

Как известно, основным и, в сущности, единственным по своему значению источником наших сведений о Сунь-цзы является его биография, помещенная Сыма Цянем (145–86/74) в его «Ши-цзи» – «Исторических записках». В них сообщается, что имя Сунь-цзы было У, что родился он в царстве Ци, служил одно время в царстве У в качестве военачальника, затем вернулся в родное царство и там вскоре умер.

Эта биография не имеет особого значения для науки, так как рассказы о Сунь-цзы, которые в ней приводятся, по своему характеру относятся скорее к историческим анекдотам, создавшимся вокруг имени знаменитого стратега древности, чем к историческим фактам. Собственно говоря, приводится лишь один, ставший хорошо известным рассказ: о демонстрации Сунь-цзы – во время пребывания его в царстве У – своего искусства на примерном сражении двух отрядов, составленных из царских наложниц. Этот рассказ изложен в комментарии к VIII главе и, конечно, интересен только как иллюстрация того, как представляли себе последователи Сунь-цзы некоторые положения его учения, в данном случае – положение об абсолютной власти полководца, когда он на войне, – иллюстрация, ради большей значительности соединенная с именем автора. Был ли этот случай в действительности, это не имеет никакого значения. Для науки в этой биографии важно только то, что из нее мы узнаем о времени жизни Сунь-цзы, о том, что он был стратег – полководец или военный советник на службе в царстве У и что он был, кроме того, автором трактата, вошедшего в историю китайской культуры под его именем.

Время жизни Сунь-цзы определяется данными этой его биографии. Как передает Сыма Цянь, главная деятельность Сунь-цзы протекала в царстве У в то время, когда там правил Хо-люй. Если следовать принятой хронологии, правление Хо-люя падает на 514–495 гг. до н. э. Таким образом, мы можем установить самое важное для нас – эпоху, в которую Сунь-цзы жил: это конец так называемого периода Чуньцю (770–403).

Это обстоятельство уже само по себе проливает свет на его личность. Сунь-цзы находился на службе у князя Хо-люя, согласно Сыма Цяню, в качестве полководца, и в качестве такового он действовал с большим успехом. Сыма Цянь сообщает, что Сунь-цзы разгромил царство Чу, находившееся к западу от У, овладел даже его столицей – городом Ин; на севере нанес поражение двум другим царствам – Ци и Цзинь. Именно его победам царство У обязано усилением своего могущества и укреплением своего положения среди прочих царств. Находившееся на юго-восточной окраине тогдашнего Китая, это владение считалось «варварским» и сначала не входило в качестве полноправного члена в систему владений, из которых слагалось государство того времени, возглавляемое царями династии Чжоу. Лишь после побед Сунь-цзы владетель этого царства вошел в состав «чжухоу», т. е. официально признаваемых правителей самостоятельных владений.

В сообщениях Сыма Цяня исторически достоверным является все, кроме того, что относится непосредственно к Сунь-цзы. Факт разгрома войсками У царства Чу, и притом именно в эти годы, подтверждается сведениями, содержащимися в «Цзо-чжуань». Но в рассказе «Цзо-чжуань» говорится о царе и ни словом не упоминается о полководце. Естественно, что в связи с этим появляется сомнение в правдивости вообще тех сведений о Сунь-цзы, которые даются Сыма Цянем. Однако никак нельзя делать того вывода, что Сунь-цзы вообще на службе у князя Хо-люя не состоял. Один из исследователей «Сунь-цзы» считал, что Сунь-цзы как наемный полководец, человек из другого царства, мог не стоять официально во главе войск, что главнокомандующим мог считаться сам князь. Это объяснение очень правдоподобно, так как в те

времена случаи нахождения во главе войск отдельных царств таких наемных военачальников были далеко не единичны, достаточно вспомнить биографию того же У-цзы. Вернее всего, что князь действительно сам стоял – по крайней мере официально – во главе своих войск, а Сунь-цзы, фактически руководивший военными действиями, числился у него либо кем-то вроде военного советника, либо помощником главнокомандующего. Поэтому и вся слава победоносного похода была отнесена к князю, и в «Цзо-чжуань» именно эта версия и передана. Таким образом, отсутствие имени Сунь-цзы в «Цзо-чжуань» вовсе не означает недостоверности рассказа Сыма Цяня в части, касающейся Сунь-цзы, тем более что в других источниках указывается, что именно Сунь-цзы был героем этих побед. Так, например, в трактате «Вэй Ляо-цзы», относящемся, скорее всего, к IV в. до н. э., т. е. не столь отдаленном по времени от Сунь-цзы, содержатся такие слова: «Был человек, который имел всего 30 000 войска, и в Поднебесной никто не мог противостоять ему. Кто это? Отвечаю: Сунь-цзы» («Вэй Ляо-цзы», гл. III, с. 8).² Поэтому рассказ Сыма Цяня в этом пункте следует считать, по-видимому, достоверным. Вообще это также не имело бы особого значения, если бы роль Сунь-цзы как полководца, т. е. сведения о его профессии, не имела отношения к вопросу понимания и оценки учения, изложенного в трактате под его именем.

Принадлежит ли этот трактат самому Сунь-цзы? Вот первая проблема, имеющая большое значение, Впрочем опять-таки не столько потому, что нам важна именно эта принадлежность как таковая, а потому, что таким способом определяется время трактата.

Сыма Цянь дает на это совершенно точный положительный ответ. В его биографии Сунь-цзы князь Хо-люй, обращаясь к своему полководцу, говорит: «Я прочитал Ваши 13 глав» – и вся обстановка разговора свидетельствует о том, что речь идет о сочинении, которое Сунь-цзы написал для князя. Эта фраза и есть первое упоминание о трактате, носящем имя Сунь-цзы.

Второе упоминание содержится в «Хань-шу» – «Истории Ханьской династии», в отделе «Ивэнь-чжи», в разделе «Цюань моуцзя». В этом разделе говорится о сочинении, называвшемся «Законы войны Сунь-цзы» («Сунь-цзы бин фа») и состоявшем из 82 глав текста и 9 свитков планов.

Оставляя пока в стороне вопрос о количестве глав, следует сказать, что это свидетельство имеет значение не менее важное, чем свидетельство Сыма Цяня. Несомненно, что составители «Ханьской истории» работали независимо от автора «Исторических записок». Несомненно, что, делая обзор сочинений по военному искусству, известных в то время, они регистрировали тот материал, который действительно существовал. Следовательно, авторство Сунь-цзы признавалось не только Сыма Цянем, но и другими авторитетными историками. При этом характерно, что никаких других авторов никогда не называли – ни в период Хань, ни позже. Все это свидетельствует, что Сыма Цянь, первый, упомянувший об этом авторстве, по-видимому, прав.

О времени создания трактата можно судить и по его содержанию. Ряд данных связывает этот трактат с так называемой колодезной системой. Термин «цю-и», встречающийся во II главе, лучше всего толкуется в свете этой системы. Упоминание в XIII главе о 700 000 дворах, страдающих от войны при мобилизации стотысячной армии, также может быть объяснено условиями этого вида земледельческой общины. Все данные, касающиеся боевого порядка армии, отражают общие принципы именно этой системы (об этом см. комментарий к V главе). А о том, что построение армии, выводимое из данных этого трактата, было в основных чертах общепринятым в Древнем Китае, свидетельствует другой трактат по военному искусству, возникший в IV в. до н. э., – трактат У-цзы. Следовательно, если даже в то время строй армии еще отражал принципы колодезной системы, то тем более правдоподобным является, что это отражение имело место раньше, в VI в. до н. э., т. е. во времена Сунь-цзы. Другие военные

² Все ссылки на страницы здесь и в дальнейшем имеют в виду издание «Семикнижия» в серии «Камбун тайкэй», т. XIII.

трактаты, говорящие о военном деле в древности, также содержат ряд терминов и выражений, вполне укладывающихся в условия колодезной системы. Таково, например, сообщение «Сыма фа» (IV в. до н. э.) о строении общины, не говоря уже об упоминаниях об этой системе в более поздних трактатах вроде «Диалогов» Ли Вэй-гуна (VII в.). Некоторые комментаторы, как, например, Чжан Юй, также ссылаются в примечаниях к XIII главе на колодезную систему. Поэтому если признавать факт существования этой системы в Древнем Китае вообще,³ то эти упоминания о ней в трактате Сунь-цзы проливают свет и на время появления трактата. Колодезную систему относят к периоду Чжоу, главным образом к началу его. Предполагают, что во времена Чуньцю эта система стала уже приходить в упадок. Поэтому если в трактате отражается именно эта система, значит он появился тогда, когда она еще в какой-то мере существовала. Таким образом, конец VI – начало V в. до н. э. является вполне возможным временем появления трактата Сунь-цзы.

Есть еще одно место в трактате, которое более точно говорит о времени его возникновения. В XI главе заходит речь о «гегемоне» (ба), его армии, его действиях. Из истории же нам известно, что такие гегемоны появились именно в период Чуньцю. К VII в. до н. э. относятся имена пяти известных гегемонов: циского Хуань-гуна, сунского Сян-гуна, цзиньского Вэнь-гуна, циньского Му-гуна и чуского Чжуан-гуна; в VI–V вв. до н. э. к ним присоединяются имена усского Хо-люй-гуна, юэского Гоу Цзянь-вана.⁴ Из трактата явствует при этом, что автор говорит о гегемонах не в плане исторических воспоминаний, а как о явлении своего времени. Кроме того, он имеет в виду войну большого масштаба, т. е. такую, какую вели в те времена именно подобные завоеватели. Поэтому вполне вероятно, что этот трактат был создан именно в период этих гегемонов, т. е. в VII–VI вв. до н. э. Таким образом, свидетельство Сыма Цяня о том, что трактат был написан для усского князя Хо-люя, т. е. одного из позднейших гегемонов, не только хорошо согласуется с этим общим выводом и тем самым подтверждает его, но и уточняет время появления трактата: им оказываются годы правления этого князя – 514–495.⁵

Лишний раз подтверждает и дату трактата, и место его возникновения упоминание в главе VI о царстве Юэ как о стране, враждебной царству У: «Пусть у юэцев войск и много, что это может дать им для победы?» Такую фразу мог написать только человек, живший в царстве У в те времена, когда оно враждовало с Юэ. Наиболее ожесточенная фаза этой борьбы приходится как раз на конец VI – начало V в. до н. э. Время правления Хо-люя вполне к этой обстановке подходит.

Во всех известных нам изданиях трактата имеется один пункт, который как будто набрасывает тень сомнения на время появления трактата, а следовательно, и на его принадлежность

Сунь-цзы. Это – иероглиф 常 в названии горы 常山, упоминаемой в главе XI. Из других источников нам известно, что название этой горы в древности писалось иероглифом 恒, замененным после смерти ханьского императора Вэнь-ди (179–157) тождественным по смыслу

³ Как известно, многими историками существование «колодезной системы» подвергается сомнению независимо от истолкования ее сущности. Автор полагает, что совокупность известных нам исторических свидетельств, содержащихся в различных источниках, делает существование древней земледельческой общины, получившей впоследствии наименование «колодезного поля» (цзинь тянь), несомненным. Необходимо только раскрыть характер этой общины. Вопрос этот в настоящей работе, естественно, освещен быть не может, как выходящий за ее рамки, но автор надеется, что приведенные им указания на наличие сведений об этой системе, дающихся при этом в ином контексте, чем в «Чжоу-ли», побудят наших историков – специалистов по Древнему Китаю – снова заняться этим вопросом, что особенно важно после имевших до сих пор место крайне неудачных попыток истолкования исторического содержания этой системы.

⁴ См: Конрад Н. И. Избранные труды. М., Наука, 1977. С. 393–400.

⁵ Чжэн Линь, издавший в 1945 г. в Чунцине текст «Сунь-цзы» в сопровождении сделанного им же английского перевода, считает возможным дать даже точную дату появления трактата – 510 г. до н. э. (The Art of War. Military Manual written cir. B. C. 510. The original Chinese Text appended. Translated with an Introduction by Cheng Lin. Chungking. World Encyclopedia Institute. China Section.)

иероглифом 常. Причиной замены послужило то обстоятельство, что иероглиф 恒 вошел в состав посмертного имени этого императора и, таким образом, стал табу. Следовательно, как

будто бы получается, что, поскольку в трактате название этой горы пишется иероглифом 常, постольку ясно, что и сам трактат мог появиться только после смерти Вэнь-ди, т. е. не ранее II в. до н. э.

Однако такой вывод очень хорошо отвел еще Сорай, резонно заметивший, что такое написание, несомненно, должно быть во всех изданиях трактата, появившихся после Вэнь-ди, но что оно могло быть совершенно другим в списках, обращавшихся до Вэнь-ди.

Мы же, не располагающие древними списками трактата, видим поэтому только то написание, которое установилось после Вэнь-ди. Поэтому этот факт – при наличии всех прочих данных – не может поколебать дату появления трактата.

Следующая проблема, связанная с трактатом, – это вопрос о его составе. Как уже указывалось, мы имеем на этот счет две различные версии: версию Сыма Цяня, говорящую о 13 главах, и версию «Ханьской истории», говорящую о 82 главах. Все известные нам комментаторы, начиная с наиболее раннего – Цао-гуна (вэйского У-ди, 155–220), имели дело с 13 главами. Никаких следов трактата с большим количеством глав пока не найдено.

Что же значит это упоминание о 82 главах, указываемых «Ханьской историей»? Никаких объяснений этому, кроме догадок, нет. Можно предполагать, что большинство глав исчезло и до нас дошла лишь небольшая часть – 13 из 82. Но такое предположение опровергается тем, что более раннее сведение, даваемое Сыма Цянем, говорит о 13 главах. Есть и другое мнение, будто бы эти 13 глав получились в результате редакторской работы, произведенной над наследием Сунь-цзы Цао-гуном; он будто бы удалил все лишнее, не относящееся к делу, убрал все повторения и, таким образом, свел весь текст к 13 главам. Такое предположение малоприемлемо уже потому, что трудно допустить, чтобы в трактат Сунь-цзы попало столько постороннего материала, что понадобилось выбросить свыше 80 % всего текста. К тому же, если бы и было что-нибудь похожее на это, о нем сказал бы сам

Цао-гун в предисловии к своему комментарию. А кроме того, наличие более раннего свидетельства – Сыма Цяня – о 13 главах также опровергает такое предположение.

Есть попытки примирить обе эти версии. В «Ши-цзи чжэн-и», со ссылкой на «Ци лу» Лю Сяна (77–6 гг. до н. э.), говорится, что трактат Сунь-цзы состоял из трех частей и что 13 глав составляли первую часть. Однако это сообщение не имеет никаких, даже косвенных, подтверждений. Если бы существовали, как утверждает «Ши-цзи чжэн-и», еще две другие части, то о них сказали бы и Сыма Цянь, и Цао-гун, предисловие которого к его комментарию до нас дошло. Таким образом, единственно правдоподобной, подкрепляемой всеми до нас дошедшими списками трактата остается версия Сыма Цяня, тем более что он выражается достаточно категорически. «Обо всем, что в мире называется войском, обо всем сказано в 13 главах “Сунь-цзы”».

Но откуда все же взялись 82 главы, указываемые «Ханьской историей»? Несомненно, составители этой истории сообщали то, что действительно было. Следовательно, какие-то 82 главы все же существовали. На этот вопрос можно ответить пока только предположениями.

Существует предположение, согласно которому в период Чжаньго основной трактат, состоящий из 13 глав и принадлежащий самому Сунь-цзы, оброс целой массой всяких дополнений, написанных позднейшими авторами. Поэтому 82 главы «Ханьской истории» имеют в виду трактат со всеми его приложениями. Из этого предположения, очевидно, следует, что эти последующие приложения впоследствии отпали.

Это предположение не лишено правдоподобия, и можно было бы даже привести кое-что в его пользу. Цао-гун в предисловии к своему комментарию говорит, что трактат Сунь-цзы

был загроможден всяческими толкованиями, которые не только не разъяснили мысли Сунь-цзы, но, наоборот, совершенно затемнили их, и что его задачей было показать мысли Сунь-цзы в их истинном содержании. Таким образом, представляется несомненным, что до Цао-гуна было уже много комментариев трактата или добавлений к нему, и они, вероятно, одно время и фигурировали вместе с ним. Показ же действительных мыслей Сунь-цзы, что поставил себе задачей Цао-гун, может быть, заключался не только в том, что он написал свое толкование, но и в том, что он отделил сам трактат из 13 глав от всяких к нему дополнений.

Возможно и другое предположение. Не имеет ли место в данном случае разный счет глав? Если взять трактат У-цзы, то мы увидим, что в нем большие разделы – «бянь») подразделяются на мелкие – «чжан»). Если не считать «Введения», больших разделов насчитывается пять, они же состоят из 35 мелких. Таким образом, если за единицу взять маленький раздел, нужно считать трактат У-цзы состоящим не из пяти глав (кроме «Введения»), а из 35. В среднем на каждую большую главу падает семь маленьких. Если допустить, что и трактат Сунь-цзы был одно время подразделен на маленькие главки, что вполне допустимо по содержанию каждой главы, и взять эту пропорцию 1:7 или 1:6 (если считать в трактате У-цзы за отдельную главу и «Введение»), то должно получиться на месте 13 больших глав 91–78 маленьких главков, т. е. цифра 82, сообщаемая «Ханьской историей», становится вполне возможной. А о том, что и маленькие главки, размера «чжан» трактата У-цзы, могли называться главами – «бянь» и служить главными единицами подразделения, свидетельствует трактат «Вэй Ляо-цзы», главы (бянь) которого не превышают размеры «чжан» трактата У-цзы.

Таким образом, наиболее вероятно то, что 13 глав, о которых упоминает самое раннее свидетельство, и составляют подлинный размер трактата.⁶

Эти 13 глав дошли до нас в многочисленных изданиях комментаторов. Как уже было сказано, наиболее ранним из всех дошедших до нас комментариев является комментарий вэйского Цао-гуна (155–220). Более древние комментарии, о которых упоминает автор в своем предисловии, до нас не дошли. Трактат усиленно комментировался и после Цао-гуна. В правление сунского Шэнь-цзуна, в годы Юань-фэн (1078–1085) на «Сунь-цзы», как и на прочие сочинения по военному искусству, было обращено особое внимание, и этот трактат вместе с прочими трактатами составленного тогда «Семикнижия» вошел в число предметов, обязательных при сдаче государственных экзаменов для поступления на военную службу. В связи с этим был произведен отбор комментаторов, являвшихся наиболее авторитетными. Таких оказалось десять: вэйский Цао-гун (155–220); лянский Мэн-ши (первая половина VI в.); танские: Ли Цюань, Ду Му (803–852), Чэнь Хао, Цзя Линь; сунские: Мэй Яо-чэнь (1002–1060), Ван Чжэ, Хэ Янь-си, Чжан Юй. Этот отбор был произведен сунским Цзи Тянь-бао, который выпустил издание трактата со сводным комментарием этих десяти авторов. Это издание и стало основным для всего последующего изучения «Сунь-цзы». Обычно к этим десяти комментаторам присоединяют и знаменитого автора «Тундянь» – Ду Ю (ум. в 812 г.), который в «Военном отделе» этой своей энциклопедии цитирует Сунь-цзы и высказывает свои замечания по поводу тех или иных мест.

Наиболее распространенное из всех изданий этого сводного комментария – цинское, вышедшее под редакцией Сунь Син-яня (1753–1818) и У Жэнь-ци. Оно воспроизведено – вместе с прочими трактатами «Семикнижия» – в современном печатном виде в 1912 г. в Японии в составе XIII тома серии китайских классиков «Камбун тайкэй». С этого издания и сделан перевод трактата. При этом все важнейшие варианты текста, изъятые цинской редакцией из более ранних изданий, приведены и объяснены в «Комментарии».

⁶ Конечно, этим не снимается вопрос о подлинности самого текста этих глав. Здесь можно лишь указать на то, что другой, сколько-нибудь значительно отличной версии текста трактата, помимо нам известной, китайцы не знали и не знают. О незначительных отличиях разных изданий, а также о вызывающих сомнение в подлинности местах текста см. в соответствующих местах «Комментария».

Из позднейших толкований широкой известностью пользуется комментарий минского Лю Иня, написанный в качестве пособия для готовящихся к государственным экзаменам. Этот комментарий вошел в состав «Семикнижия», изданного под редакцией и с комментариями Лю Иня в 1398 г. Довольно известен также комментарий Ши Цзы-мэя.

Трактат Сунь-цзы очень много комментировался и в феодальной Японии.

Главнейшими комментариями являются комментарий Хираяма Юкидзо – «Сонси сэттю», 1799 г., комментарий Сато Иссай – «Сонси фукусэн», 1842 г., комментарий Бу-цу (Огю) Сорай – «Сонси кокудзикай» 1750 г., и комментарий Ямага Соко (1622–1685) – «Сонси энги». Из них наибольшей близостью к мысли Сунь-цзы отличается, по нашему мнению, комментарий Сорая, неоднократно цитируемый в настоящей работе. Сорай (1666–1728) был в феодальной Японии второй половины XVII – начала XVIII в. ярким представителем политической и философской оппозиции, ведшей борьбу с официальной схоластической и догматической идеологией режима Токугава, построенной на учении крупнейшего философа средневекового Китая – Чжу Си (XII в.). Сорай стремился найти оружие против этого учения в истории китайской философской мысли и обратился с этой целью к тому, что можно было противопоставить учению Чжу Си: к древности, к самим истокам китайской философии. Это и делало его знатоком литературы Древнего Китая. Поскольку же он обратился не к ставшей впоследствии канонической конфуцианской линии – к «Лунь-юю» и «Мэн-цзы», а к независимой от конфуцианства линии, представленной наивным материалистом Сюнь-цзы, постольку он и оказался близок именно к тому направлению древней китайской мысли, которое было более всего связано с процессом объединения раздробленной на самостоятельные владения страны в единое мощное государство, построенное на совершенно иных началах, чем идеализируемая конфуцианством чжоуская монархия.

Из новых японских комментариев, изданных в последнее время, следует отметить комментарий Кита-мура Каицу – «Сонси кайсэцу» комментарий Кода Рэнтаро и Оба Яхэй – «Сонси-но хёхо», 1935 г., и комментарий Фудзицука Тикаси и Мори Сай-сю – «Сонси синсяку», 1943 г.

2. Трактат Сунь-цзы и «Семикнижие»

Многовековая история трактата Сунь-цзы определила и его место в системе старой китайской культуры. Во времена Сунской династии, в годы Юань-фэн (1078–1085) правления императора Шэнь-цзуна, когда окончательно определился состав так называемого «Семикнижия», т. е. собрания семи классических сочинений по военному искусству, этот трактат не только был включен в него, но и занял в нем почтеннейшее место. Эти семь сочинений следующие: «Лю тао», «Сунь-цзы», «У-цзы», «Сыма фа», «Сань люэ», «Вэй Ляо-цзы», «Ли Вэй-гун вэньдуй».

Согласно старой китайской традиции возводить все просвещение и культуру к каким-нибудь древним источникам, большинство этих трактатов считались либо прямо исходящими от какого-нибудь героя древности, либо передающими его учение. Так, «Лю тао» возводится к Тай-гун Вану, иначе – Люй Шану, считающемуся сподвижником чжоуского Вэнь-вана (1231–1135) и У-вана (1122–1115). «Сыма фа» связывается с именем Сыма (Тянь) Жан-цзюй – полководца времени циского Цзин-гуна (547–490). Трактат «Сунь-цзы» (возводится к полководцу времен усского Хо-люя (514–495)). Трактат «У-цзы» приурочивается к полководцу времен вэйского Вэнь-хоу (408–387) и У-хоу (386–371). Трактат «Вэй Ляо-цзы», названный так по имени его предполагаемого автора, связывается с лицом, живущим, как думают, во времена лянского Хой-вана (370–335). «Сань люэ» приписывается Хуан Ши-гуну (III в. до н. э.), по преданию передавшему этот трактат Чжан Ляну (ум. в 187 г. до н. э.). Трактат «Ли Вэй-гун вэньдуй» представляет запись разговоров на военные темы тайского императора Тай-цзуна (627–649) с его полководцем Ли Вэй-гуном, т. е. вэйским гуном (герцогом) Ли Цзином (571–649).

Историческая критика давно поставила под сомнение древность некоторых из этих трактатов. Так, «Лю тао», считавшийся самым древним, на самом деле составлен, вероятнее всего, во времена Вэйского и Цзиньского царств (III–IV вв.), скорее даже несколько позже, т. е. в условиях развитого феодального строя. «Сань люэ» считается возникшим в период Суй (589–618). Первоначальный текст «Диалогов» Ли Вэй-гуна считается утраченным, и тот, которым мы располагаем, представляет восстановление оригинала главным образом по материалам, сохранившимся в «Тун-дянь» – известной энциклопедии Ду Ю. Таким образом, к рабовладельческому периоду относятся только четыре трактата: «Сунь-цзы», «У-цзы», «Вэй Ляо-цзы» и «Сыма фа». Из них происхождение последнего трактата также подвергается сомнению и со стороны эпохи, и со стороны автора; есть мнение, что этот трактат появился не во времена циского Цзин-гуна (547–490), а Вэй-вана (373–343) и составлен не Сыма Жан-цзюем, а другим лицом, хотя и излагает положения военного искусства, выработанные в свое время Сыма Жан-цзюем. О трактате и личности Вэй Ляо-цзы вообще никаких сведений нет, но, так как в его тексте упоминается лянский (вернее, вэйский) князь Хой-ван, полагают, что это сочинение возникло во времена этого князя, т. е. в IV в. до н. э. Трактат «У-цзы», названный именем знаменитого полководца IV в. до н. э., также не является непосредственно его произведением, а содержит только запись его высказываний и рассуждений, сделанную кем-либо из его современников после его смерти.

Таким образом, по наиболее вероятной древности происхождения эти трактаты располагаются в следующем порядке: 1. «Сунь-цзы» (Чуньцю, VI–V вв. до н. э.). 2. «У-цзы» (Чжаньго, IV в. до н. э.). 3. «Сыма фа» (Чжаньго, IV в. до н. э.). 4. «Вэй Ляо-цзы» (Чжаньго, IV в. до н. э.). 5. «Лю тао» (Вэй – Цзинь, III–IV вв. н. э.). 6. «Сань люэ» (Суй, VI–VII вв. н. э.). 7. «Ли Вэй-гун вэньдуй» (Тан, VII в. н. э.).

Как видно из вышеприведенного, первоначальный порядок «Семикнижия» был следующий: 1. «Лю тао». 2. «Сунь-цзы». 3. «У-цзы». 4. «Сыма фа». 5. «Сань люэ». 6. «Вэй Ляо-цзы». 7. «Ли Вэй-гун вэньдуй». Считать такое расположение хронологическим нельзя ни с точки

зрения воображаемой, ни с точки зрения действительной хронологии. Если расположить эти трактаты по приписываемой им древности происхождения, нужно было бы «Вэй Ляо-цзы» поставить перед «Сань люэ». Если расположить по более или менее достоверной хронологии, нужно было бы «Лю тао» поставить перед «Диалогами» Ли Вэй-гуна.

Впоследствии этот первоначальный порядок, однако, был изменен. В указанном сунском издании «Семикнижия», отредактированном Чжу Фу (ум. около 1086 г.), все трактаты располагаются так:

1. «Сунь-цзы». 2. «У-цзы». 3. «Сыма фа». 4. «Вэй Ляо-цзы». 5. «Ли Вэй-гун вэньдуй». 6. «Сань люэ». 7. «Лю тао». Этот порядок также не удовлетворяет ни первой, ни второй хронологии. Если предположить, что редактор исходил из признаков достоверности авторства, т. е. помещал те трактаты, которые считал написанными самими авторами, а затем те, которые только излагают записанное другими учение этих авторов, то и этот порядок оказывается не соблюденным. В таком случае трактат У-цзы нужно было бы поместить на другом месте, так как он, несомненно, не написан самим У-цзы. Но, так или иначе, этот порядок был принят, и все известные нам издания «Семикнижия» – вплоть до современных – его соблюдают.

Не объясняется ли этот порядок желанием редактора расположить трактаты по степени их важности, по их историческому значению, так, как оно выяснилось в его время? Последующая история вполне подтвердила этот порядок, если подходить к нему с этой точки зрения. Всякий историк китайской культуры знает, что на первом месте среди этих классиков стоят «Сунь-цзы» и «У-цзы», причем первый неизменно впереди второго. Это – два столпа теории военного искусства в Китае. Далее, судя по комментариям к тому же «Сунь-цзы», мы видим, какое большое значение имели трактаты «Сыма фа» и «Вэй Ляо-цзы». Например, Чжан Юй, когда ему нужно привести что-либо из других сочинений по военному искусству, прежде всего обращается к этим двум трактатам. Точно так же широко цитируется «Ли Вэй-гун вэньдуй». Так что первые пять трактатов, безусловно, расположены в порядке исторически установившейся репутации особой значительности их содержания и важности их роли в истории военно-теоретической мысли в Китае. Два последних трактата – «Сань люэ» и «Лю тао» цитируются меньше всего. И действительно, достаточно хотя бы бегло ознакомиться с их содержанием, чтобы увидеть, что они – очень ценные с точки зрения фактического материала – не могут идти в сравнение со всеми предыдущими по богатству именно теоретической мысли. Таким образом, очень возможно, что этот порядок есть дело рук редактора, знатока истории военной мысли в Китае, и поэтому сам по себе является показательным для современного исследователя.

В заключение отметим, что это «Семикнижие» получило название «У-цзин» (т. е. «классических книг по военному искусству»). Иначе говоря, к ним стал прилагаться тот же термин «цзин», которым обозначались канонические книги, особенно книги конфуцианского канона, в первую очередь «Пятикнижие», т. е. «И-цзин», «Шу-цзин», «Ши-цзин», «Ли-цзи» и «Чуньцю». В Китае это служило наилучшим показателем важности таких книг. История подтвердила эту оценку. Эти трактаты действительно стали классическими в истории военно-теоретической мысли старого Китая, а первое место среди них та же история безоговорочно отвела трактату Сунь-цзы.⁷

⁷ О «Сунь-цзы» см.: *Срезневский*. Инструкция китайского полководца Сунт-се подчиненным ему генералам. Военный сборник 1860 г., т. XIII; *Путьята*. Принципы военного искусства в толковании древних китайских полководцев. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии 1889 г., т. XXXIX; *Amiot*. Les treize Articles sur l'art militaire, в общей работе «Art militaire des Chinois». Paris, 1772, 1782. *Lionel Giles*. Sun Tzu, on the Art of War. The oldest military Treatise in the World. London, 1910. Pennsylvania, 1944.

3. Задачи работы

Выше было показано, что с теми данными, которыми мы располагаем в настоящее время, нет оснований сомневаться, что трактат, известный под именем «Сунь-цзы» и вошедший в историю китайской культуры как первая книга классического военного «Семикнижия», возник в конце VI – начале V в. до н. э.

Сыма Цянь, первый упомянувший об этом трактате, был уверен в том, что он принадлежит некоему полководцу времен Чуныцю, вошедшему в историю под именем Сунь-цзы; уверен настолько, что даже сообщил биографические сведения о нем. Это также имеет значение, но для нас – только как указание на ту общественную среду, в которой этот трактат возник. Был ли автором трактата тот самый полководец, о котором пишет Сыма Цянь, или какой-либо другой, само по себе не так важно; важно лишь то, что Сыма Цянь автором трактата назвал полководца, находившегося на службе у одного из царей периода У ба, т. е. представителя определенных общественных кругов и определенной профессии.

Таким образом, выясняется база изучения «Сунь-цзы»: время происхождения памятника – VI–V вв. до н. э., а также среда, в которой он возник, – самостоятельное рабовладельческое царство в условиях развивающейся борьбы за гегемонию, где немалую роль играли профессионалы-стратеги, бывшие характерными фигурами той эпохи.

Иначе обстоит дело с текстом трактата. Может ли считаться тот текст, с которого сделан настоящий перевод, действительно возникшим в VI–V вв. до н. э.? Ответить на этот вопрос трудно.

В самом деле: настоящий перевод сделан с цинского издания трактата, т. е. с издания XVIII в.; мы знаем, что в основу этого издания была положена та редакция текста, которая была сделана в Сунскую эпоху, в конце XI в.; знаем, что в отдельных извлечениях этот же текст дается и в энциклопедии «Тундянь», т. е. существовал в таком виде в конце VIII – начале IX в.; знаем, наконец, что, по всей вероятности, этот текст установил Цао-гун, т. е. Цао Цао – вэйский император У-ди, полководец и литератор II–III вв.

Но дальше? Что существовало до III в.? Был ли текст, существовавший до этого времени, тот же по содержанию и объему? Цао-гун, являющийся автором наиболее древнего из дошедших до нас комментариев трактата, пишет в своем предисловии, что он произвел большую редакторскую работу над текстом памятника: устранил все позднейшие наслоения и установил первоначальный текст трактата. Таким образом, можно думать, что текст памятника – по крайней мере в основном – дошел до нас в редакции III в. Каково же отношение этой редакции к более ранним версиям текста? Ответить на этот вопрос можно лишь предположениями.

Было бы большим заблуждением безоговорочно и огульно утверждать, что ученые старшего Китая, занимавшиеся исследованием памятников древней письменности, те самые, которых принято называть «комментаторами», только тем и занимались, что фальсифицировали попадавшие в их руки древние памятники. Конечно, такие случаи бывали, и многие из них нам хорошо известны. Но в то же время известно и другое: исключительная добросовестность, с которой работали многие знатоки древней письменности. Мы хорошо знаем, что изучение (особенно филологическое) древних памятников было настолько глубоким, что требовало от лиц, этим занимавшихся, узкой специализации на одном каком-либо памятнике. Так было в китайской филологической науке времен Хань. Поэтому нет ничего невозможного в том, что Цао Цао действительно постарался установить по возможности наиболее ранний текст трактата. Трудно сказать, весь ли это текст, но, во всяком случае, то, что мы имеем, безусловно несет на себе отпечаток эпохи Чуныцю, точнее – периода У ба («Пяти гегемонов»).

Наше исследование отнюдь не ставит своей задачей выяснить этот вопрос. Мы коснулись его лишь в необходимых пределах, главным образом для того, чтобы с самого же начала отве-

сти возможные требования читателя и критики. Читатель должен знать, что истории текста трактата он в предлагаемой работе не найдет. Автор этой работы знает, что другого признанного текста «Сунь-цзы» история китайской культуры пока не имеет, что для Китая существует именно этот самый текст. И еще одно обстоятельство автор просит иметь в виду. Принимая во внимание только что сказанное – культурно-историческое значение именно этой редакции трактата, автор считает, что главной задачей исследования является: понять и оценить учение, которое в дошедшем до нас тексте содержится, понять и оценить в свете его эпохи и среды. Этой задаче в основном и посвящена аналитическая часть работы – «Комментарий».

Автор ставил перед собой и другую задачу: он хотел понять учение, изложенное в трактате, как некую систему взглядов, пусть не всегда отчетливо изложенную, но все же систему, за которой скрывается определенное мировоззрение. Отдельные элементы этого мировоззрения вскрываются по ходу дела в «Комментарии».

И еще одно предварительное замечание, также имеющее целью заранее устранить возможные недоразумения. В «Комментарии» приведены многочисленные примеры из военной истории Китая, описание походов, отдельных сражений. Автор ни в коем случае не берет на себя ответственность за строгое соответствие того, как это все изложено, с действительной картиной событий. Вполне возможно, что специалист по военной истории этой страны изложит и, главное, осветит эти события как-либо иначе. Но освещение этой стороны дела не являлось в данном случае нашей задачей. Мы пишем не военную историю Китая, а работу по истории военно-теоретической мысли Древнего Китая, и примеры из военной истории нас интересуют лишь в той мере, в какой они раскрывают то или иное положение Сунь-цзы. Именно этим мы и руководствовались при отборе военно-исторических иллюстраций. При этом все эти события интересуют нас именно в той интерпретации, которая имеет целью иллюстрировать примером какое-либо правило или мысль Сунь-цзы. Мысль «Сунь-цзы», т. е. идеи того памятника под этим именем, который дошел до нас, истолкованные исторически, в свете его эпохи, – вот не только основной, но и единственный объект настоящего исследования. Раскрытию этой мысли и служит весь привлеченный материал.

Трактат о военном искусстве

Глава I Предварительные расчеты⁸

1

Сунь-цзы сказал: война – это великое дело для государства, это почва жизни и смерти, это путь существования и гибели. Это нужно понять.

2

Поэтому в ее основу кладут [1] пять явлений [ее взвешивают семью расчетами и этим определяют положение].⁹

1

В комментаторской литературе существуют большие разногласия по вопросу о понимании слова «цзин». Ду Му предлагает значение «измерять». Такое толкование может быть поддержано особым, а именно техническим значением этого слова, применяемым в строительном деле; в этой области «цзин» означает: производить обмер участка, предназначенного для постройки. Поскольку такой обмер представлял первое действие строителя, то это слово получило более общий смысл: делать предварительный расчет в начале какого-либо предприятия вообще. В пользу такого понимания «цзин» говорит также возможное сопоставление этого слова со стоящим несколько дальше «цзяо», имеющим, смысл «взвешивать», в дальнейшем – «сопоставлять». Поскольку «цзяо» может считаться параллельным «цзин», постольку выходит, что слово «цзин» правильное всего перевести соотносительно слову «взвешивать» словом «измерять».

Такое толкование имеет за собой серьезные основания, но и все же останавливаюсь на другом и передаю «цзин» по-русски словами «класть в основу». Основное, действительно первоначальное значение «цзин», как известно, идет из области не строительного дела, а ткацкого. Словом «цзин» обозначалась основа ткани, в противоположность слову «вэй», которым обозначался уток. При этом, согласно технике самого процесса тканья, основа, т. е. продольные нити, остается все время тканья неподвижной, т. е. именно составляет «основу», в то время как уток, т. е. поперечные нити, на эту основу накладывается. Таким образом, в техническом языке, как глагол, это

⁸ Ввиду того что в разных изданиях трактата дается различная разбивка на абзацы, часто даже нарушающая единство фразы, переводчик счел себя вправе произвести свою разбивку, исходя из признака законченности той или иной мысли.

⁹ Слова, поставленные в переводе здесь и всюду, где следует, в скобки, представляют повторение таких же слов в каком-либо другом месте трактата, причем там они вполне уместны, будучи тесно связаны с общим контекстом, здесь же – явно излишни. Так, например, в данном случае эти слова повторяются несколько ниже – в п. 4, где им по содержанию и надлежит быть.

слово означает «ткать основу», а в общем смысле – «закладывать основу», «класть что-либо в основу». В этом именно смысле понимают «цзин» в данном месте Чжан Юй и Ван Чжэ. Что же касается параллелизма с «цзяо», то это вопрос понимания всего места в целом – по отношению к общему содержанию главы. Если переводить «цзин» параллельно с «цзяо» («взвешивать») словом «измерять», то обе фразы будут говорить о двух равных и в общем близких по смыслу действиях: войну измеряют тем-то, взвешивают тем-то. Но, как видно из всего содержания главы, – это «совершенно две разные вещи. «Пять элементов» – совершенно другое, чем семь расчетов»: и смысл другой, и форма изложения другая, и постановка вопроса иная. Поэтому здесь параллелизм не двух одинаковых или близких действий, а параллелизм двух различных действий: одно кладут в основу, с помощью другого производят расчеты». К тому же, как это указано в переводе, против непосредственного сопоставления «цзин» и «цзяо» говорит и явно ошибочное помещение фразы с «цзяо» сейчас же после фразы с «цзин».

3

Первое – Путь, второе – Небо, третье – Земля, четвертое – Полководец, пятое – Закон.

Путь – это когда достигают того, что мысли народа одинаковы с мыслями правитель [2], когда народ готов вместе с ним умереть, готов вместе с ним жить, когда он не знает ни страха, ни сомнений [3].

Небо – это свет и мрак, холод и жар, это порядок времени [4].

Земля – это далекое и близкое, неровное и ровное, широкое и узкое, смерть и жизнь [5].

Полководец – это ум, беспристрастность, гуманность, мужество, строгость.

Закон – это воинский строй, командование и снабжение [6].

Нет полководца, который не слышал бы об этих пяти явлениях, но побеждает тот, кто усвоил их; тот же, кто их не усвоил, не побеждает.

2

Слово «шан» можно было бы взять в значении «высшие», «правители». Не делаю этого потому, что в таком значении оно обычно употребляется параллельно со словом «ся» – «низшие», «управляемые»; в данном же контексте слово «шан» противопоставляется слову «минь» – «народ»; обычно же понятию «народ» противопоставляется понятие «государь», «правитель». Поэтому и беру для «шан» не «высшие», не «правительство» и не «правители» – во множественном числе, а в единственном числе – «правитель».

3

«Вей» беру в смысле глагола «и», как то делает большинство комментаторов (Цао-гун, Ду Ю, Ду Му, Чжан Юй), т. е. в смысле «иметь сомнения».

4

Выражение «ши чжи» можно понять двояко – в зависимости от того, какой смысл придать слову «чжи». Если понять его в том значении, в котором оно выступает в сложном слове «чжиду» – «порядок», строй, «система» и т. п., выражение «ши чжи» будет означать «порядок времени», «законы времени» и т. п. Возможно понять «чжи» и в духе русского глагольного имени – «распоряжение», «управление», поскольку «чжи» может иметь и глагольное значение – «распоряжаться», «управлять». Так понимает это слово Мэй Яочэнь, который перефразирует выражение «ши чжи» так: «справляться с этим своевременно», в нужный, подходящий момент. В трактате Сыма Фа есть выражение, очень близкое по смыслу к этому месту Сунь-цзы: «следовать за небом (т. е. за погодой. – Н. К.) и соблюдать время». Лю Инь, объясняя это место, дает парафраз Сунь-цзы: [...] т. е. это (т. е. данное выражение Сыма Фа. – Н. К.) есть то, о чем говорится (у Сунь-цзы словами. – Н. К.): «мрак и свет, холод и жара... справляться с этим своевременно» Кстати, этот парафраз Лю Иня выясняет, какое дополнение подразумевается при глаголе «чжи»: слово «чжи», несомненно, относится к предыдущему, т. е. к словам «мрак и свет, холод и жара». При таком толковании общая мысль Сунь-цзы может быть пересказана следующим образом: «Небо» – это атмосферические, климатические, метеорологические условия, время года, состояние погоды. С точки зрения ведения войны важно «справляться со всем этим своевременно», т. е. уметь приспосабливаться к климатическим условиям, к погоде и выбирать подходящий момент.

Я, однако, не останавливаюсь на такой расшифровке этого места текста. Мне кажется, что это место имеет определенную, четко выраженную структуру: это – определение некоторых понятий («Путь», «Небо», «Земля» и т. д.), причем раскрытие содержания этих понятий делается в форме перечисления того, что входит в их состав. При этом отдельные элементы этого перечисления самостоятельны и имеют свое содержание, а не охватывают все предыдущее. Так и здесь речь идет явно о трех вещах: о явлениях астрономического характера (свет и мрак), о явлениях метеорологических и климатических (холод и жара) и о «порядке времени», т. е. о годе, месяцах, днях, сезонах и т. д.

5

Мне очень хотелось в русском переводе передать выражения [...] каждое одним русским словом: «расстояние», «рельеф», «размер». Несомненно, что реально эти выражения это и означают. Но здесь меня остановило чисто филологическое соображение. Перевести так можно было бы в том случае, если бы эти выражения являлись отдельными словами. Мне кажется, для автора текста они были словосочетаниями. На такое заключение наталкивает последующее выражение [...], которое во всем трактате Сунь-цзы никогда не употребляется иначе, как сочетание двух самостоятельных слов. Впоследствии и оно стало одним словом «жизнь» – в том смысле, в котором мы употребляем это слово в таких фразах, как «это – вопрос жизни», т. е. где одним словом «жизнь» разом обозначаются понятия «жизнь» и «смерть» (ср. аналогичное

русское слово «здоровье», покрывающее понятия «здоровья» и «болезни»). Но, повторяю, у Сунь-цзы это все еще два самостоятельных понятия. А раз так, то по законам параллелизма и согласно общему контексту приходится считать, что и первые три выражения представляются словосочетаниями.

6

Из всех многочисленных и разноречивых толкований трудных терминов [...] выбираю толкование Мэй Яо-чэня, безусловно, ближе всего находящееся к общему конкретному складу мышления Сунь-цзы и к его стремлению стараться всегда говорить о вещах, ближайшим образом касающихся военного дела. Поэтому и останавливаюсь на таких переводах этих трех понятий: «военный строй», «командование», «снабжение».

4

Поэтому войну взвешивают семью расчетами и таким путем определяют положение. Кто из государей обладает Путем? У кого из полководцев есть таланты? Кто использовал Небо и Землю? У кого выполняются правила и приказы? У кого войско сильнее? У кого офицеры и солдаты лучше обучены? [7] У кого правильно награждают и наказывают? По этому всему я узнаю, кто одержит победу и кто потерпит поражение.

7

Перевожу выражение [...] словом «войско», считая, что переводить каждый иероглиф в отдельности («бин» – строевой состав, «чжун» – нестроевой состав) не следует, так как, вероятнее всего, в данном случае мы имеем по-китайски одно слово, передающее общее понятие «войска» – во всем его составе.

Тут же встречаются в первый раз слова, обозначающие различные категории военных: «ши» и «цзу». Повсюду у Сунь-цзы эти слова употребляются как наиболее общие обозначения офицеров и рядовых, командиров и солдат. Ниже, в главе IX,15, а также в главе X,9 дается новый термин «ли», также противопоставляемый [...], т. е. «нижним чинам». Этот термин служит, по-видимому, обозначением командиров крупных частей, начальствующего состава армии.

В главе X, 9 – приводится и термин «дали», под которым разумеются главные из этих высших начальников, непосредственные помощники командующего, обозначаемого всюду у Сунь-цзы иероглифом «цзян».

Несомненно, по своему происхождению все эти термины не являются непосредственно военными обозначениями. Так, например, знак «ши» в древнем Китае обозначал людей, принадлежащих ко второму слою господствующего класса, вслед за [...]; иероглифом «цзу» обозначались слуги вообще, прежде всего – из рабов; иероглиф [...] применялся для обозначения лиц, принадлежащих к аппарату управления. Таким образом, эти названия не только раскрывают нам структуру древней китайской армии, но и проливают свет на классовую сторону ее организации, по крайней мере – в ее истоках. Во времена Сунь-цзы, как об этом свидетельствует сам трактат, солдатами были

отнюдь не рабы: из указания, что рекрута давал один двор из восьми, явствует, что основную массу солдат составляли члены земельной общины.

5

Если полководец станет применять мои расчеты, усвоив, он непременно одержит победу; я остаюсь у него. Если полководец станет применять мои расчеты, не усвоив их, он непременно потерпит поражение; я уйду от него [8]. Если он усвоит их с учетом выгоды, они составят мощь, которая поможет и за их пределами.

8

Согласно общепринятому преданию, Сунь-цзы написал свой трактат для князя Холуй, на службе у которого он находился. Ввиду этого эти слова могут рассматриваться как прямое обращение к князю, приглашение принять методы, рекомендуемые им, и попробовать применить их на практике, причем автор считает возможным заявить, что в случае надлежащего понимания и применения его методов победа обеспечена. С целью же большего воздействия на князя Сунь-цзы прибегает к своего рода угрозе: он предупреждает, что если князь не воспользуется его советами, он от него уйдет, перейдет на службу к другому князю и таким образом лишит князя своей помощи.

Чжан Юй предлагает несколько иное толкование этой фразы: он принимает слово «цзян» не в значении «полководец», а в смысле служебного слова для обозначения будущего времени. В таком случае вся фраза получила бы по-русски следующий вид: «Если вы, князь, усвоите мои приемы, я у вас останусь, если вы их не усвоите, я от вас уйду». Однако я остановился на форме перевода, основанной на понимании слова «цзян» в смысле «полководец». Основание для этого следующее: во-первых, во всем трактате Сунь-цзы нет ни одного случая употребления этого слова в значении показателя будущего времени, во-вторых, слово «полководец» здесь вполне приложимо к князю, который сам командовал своей армией. Об этом говорит Чэнь Хао: «В это время князь вел войны, причем в большинстве случаев сам являлся полководцем».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.